

УДК 81'3 6 - 372.462

Осетров И. Г.

Ульяновский государственный педагогический университет

ПРИНЦИПЫ АСИММЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

I. Osetrov

Ulyanovsk State Pedagogical University

PRINCIPLES OF ASYMMETRIC ANALYSIS OF GRAMMATICAL PHENOMENA

Аннотация. Несмотря на значительные различия отечественного и западного языкознания, существует общая тенденция в методологии языкового анализа, которая в лаконичной форме сформулирована С.И. Карцевским как асимметричный дуализм лексического знака. В традиции отечественного языкознания это направление принято называть структурно-семантическим методом, одним из основополагающих подходов которого является понимание языковых явлений как демонстрирующих свойства вариативности и бинаризма, симметрии и асимметрии.

Ключевые слова. Система; симметрия и асимметрия языкового знака, антиномии языка.

Abstract. Despite significant differences between domestic and Western linguistics, there is a general trend in the methodology of linguistic analysis, which is concisely formulated by S. Kartsevsky as asymmetric dualism of the lexical sign. In the tradition of the domestic linguistics this direction is called the structural–semantic method, the fundamental approach of which is the understanding of linguistic phenomena as demonstrating the properties of variability and binarism, symmetry and asymmetry.

Keywords. System; symmetry and asymmetry of a linguistic sign; language antinomies.

Впервые принципы асимметрического анализа языка сформулированы в классической работе С.И. Карцевского «Об асимметричном дуализме языкового знака» [5, с. 239 – 245]. Отмечая несомненную для своего времени новизну и плодотворность этой работы в целом для теории языка, следует подчеркнуть, что она развивает фундаментальные идеи как женеваской школы, так и русского языкознания [6, с. 11]. В статье заметна не только опора на идеи Ф. де Соссюра о системности языка и о дихотомической структуре знака, но и воздействие ряда основополагающих идей классиков отечественного языковедения. Так, несомненно, что С.И. Карцевский принимает во внимание мысль А.А. Потебни о единстве знаковой структуры лингвистических единиц и их значений как о примате языкового анализа, а также его ключевой тезис о ближайшем и дальнейшем значении слова. Показательной можно считать переключку слов С.И. Карцевского о том, что «истинно новым <...> в слове, которое только что создалось, является скрещение координат, а не координаты как таковые» [5, с. 86], со словами А.А. Потебни о том, что «<...> всякое совершившееся наименование даёт нам с р а в н е н и е (выделено нами. – И. О.) двух мысленных сочетаний обозначающего и обозначаемого» [12, л. 204].

Заслугой С.И. Карцевского следует считать то, что был теоретически обоснован такой подход к изучению языка, который исходит из убеждения, что форма языкового знака (означающее) и его содержание (означаемое) составляют единое целое, организованное на базе

глубоких внутренних противоречий. Создаваемые полюсы языкового напряжения способствуют тому, что язык, кажущийся неподготовленному взгляду неупорядоченным, на самом деле оказывается динамической системой сложной организации: «Чистое и простое противоположение ведёт к хаосу и не может служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противопоставляются только внутри этих рядов» [5, с. 86–87]. Противоречивость соотношения означающего и означаемого в структуре знака С.И. Карцевским характеризуется в рамках таких антиномий, как общее (социальное) и отдельное (индивидуальное), абстрактное (виртуальное) и конкретное [5, с. 85], конечность и бесконечность [5, с. 85, 86]. Автор подчёркивает в природе языкового знака такие его противоречивые черты, как неизменность (обычность, адекватность) и подвижность (изменчивость, «способность приспособления к требованиям конкретной ситуации» [5, с. 90]) и др.

Сказанное обнаруживает близость мыслям А.А. Потебни, который подчёркивал, что «действие мысли в возникающем слове есть сравнение двух мысленных комплексов, вновь познаваемого (X) и прежде познанного (A) посредством представления (a), как *tertium comparationis*» [10, с. 133].

Системность в языке, по мнению С.И. Карцевского, проявляется уже в том, что «невозможно создание только одного слова и что можно по крайней мере создать два слова одновременно» [5, с. 86], так как «всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно» [5, с. 87]. Эта мысль развивается рассуждениями о том, что «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности <...>» [5, с. 90], поскольку «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» (там же). (Ср.: у А.А. Потебни: «Каждая

форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создаётся новая форма») [11, с. 115]).

С.И. Карцевский не ограничивается рассмотрением асимметрии с позиций взаимосвязи омонимов и синонимов в лексике. Так, в статье «О фонологии фразы», рассматривая интонацию межфразовых связей, С.И. Карцевский выделяет четыре вида структурных отношений – симметрию (контрастное равенство), асимметрию (контраст по неравенству), повторение (открытую серию равенства) и градацию, или последовательное расположение (открытую серию неравенства) [5, с. 269]. Симметрия и асимметрия, по его мнению, образуют бинарные оппозиции; тождественность и градация, в свою очередь, образуют открытые серии. Принципиальное различие симметрии, с одной стороны, и тождества и повторения, с другой, по С.И. Карцевскому, состоит в следующем: симметрия и асимметрия обладают зеркальным характером, в то время как тождество и повторение – поворотным или шаровым. Другими словами, симметрия и асимметрия им рассматриваются, по сути дела, как основания оппозиций на разных уровнях языковой системы, то есть рассматриваемые понятия называют две стороны одного и того же явления. Возможно, именно эту двуединую природу симметрии/асимметрии имеет в виду Г.А. Золотова, когда полагает, что, ставя вопрос об асимметричном дуализме языкового знака, С.И. Карцевский подразумевает прежде всего симметрию как таковую [4, с. 53].

Современные исследователи интонации русской речи приходят к выводам, что названные выше смысловые категории интонации проявляются не только на уровне текстовой связи частных просодических контуров, но и на уровне отдельных интонационных типов. Например, Е.А. Брызгунова считает, что интонационные различия позволяют превращать тождественные в структурном и лексическом отношениях предло-

жения в такие высказывания, «смысловые различия которых несовместимы в одном и том же контексте» [12, с. 99] (ср.: *Он читает* (ИК-1) и *Он читает!* (ИК-7) (значение второго высказывания может быть примерно интерпретировано следующим образом: 'плохо умеет читать' либо 'не умеет читать вовсе'). Другими словами, подчёркивается то синтаксическое свойство, которое С.И. Карцевским характеризовалась применительно к лексической системе языка как яркая черта асимметричности знака.

Соотношение различных типов предложений по цели высказывания одинаковой лексической и структурной наполненности может также рассматриваться как проявление функциональной асимметрии: (1) *Мама пришла* (В. Вересаев. В тупике) (повествовательное, восклицательное) – (2) *Мама пришла?* (вопросительное, невосклицательное). Ср. также (3) *Мама пришла!?* (аффективно-вопросительное, восклицательное предложение). Таким образом, конструкции одинакового лексического состава, являясь вариантами одного предложения с точки зрения структуры, могут быть квалифицированы либо как частные случаи синтаксической омонимии (1 – 2), либо при сохранении же хотя бы одной общей черты с точки зрения функциональной близости примеры как проявления синтаксической полисемии (1 – 3; 2 – 3).

На наш взгляд, принципы анализа грамматики с опорой на восприятие языка как асимметричного явления – одна из плодотворнейших идей языкознания XX века. Эта мысль активно поддерживается и развивается, например, в работах Р. Якобсона [16, с. 222–230], который не только формулирует идею о бинаризме большинства грамматических категорий, но и высказывает мысль о нулевом означающем в грамматике, т. е. о наличии таких знаков, которые являются элементом структуры, хотя и не имеют вербальной формы. «Функционирование системы языка <...> основано на “противопоставлении некоторого факта ничему”, то есть, со-

гласно терминологии формальной логики, на контрадикторном (противоречащем) противопоставлении» [там же]. Подчёркивая важность исследований нулевых означающих и означаемых, автор очерчивает сферу проявления нулевого знака не только морфологией и синтаксисом, но также и стилистикой. Другими словами, языковая система, по мнению Р. Якобсона, подвержена панасимметрии, покоящейся на противопоставлении нулевого и вербального знака. Впрочем, применительно к синтаксису, можно констатировать, что проблема синтаксического «нуля» (кроме разве что нулевой связки) сегодня поднимается крайне редко [7, с. 98].

Теоретическое обоснование некоторых принципов асимметричного анализа в отечественном языкознании советского периода должно связываться, на наш взгляд, с именем Н.С. Поспелова. Уже при анализе категории времени в статье «О двух рядах значений глагольных форм времени в современном русском языке» [8, с. 83–99] этот вид анализа подтвердил свою научную состоятельность. Главной чертой принципа диссимметричного метода Н.С. Поспелова признаётся то, что «в основе семасиологического разграничения грамматических значений в формах глагольного времени лежит <...> различие между двумя планами высказывания: планом коммуникации, т. е. свободной речевой деятельности говорящего, и планом информации, сообщения о каких-либо событиях – в плане прошлого, настоящего и будущего» [4, с. 9].

Необходимо заметить, что Н.С. Поспелов предпочитал термин «диссимметричный», считая его более точно отражающим специфику метода. Кстати, и С.И. Карцевский в своих грамматических работах не использовал термин «асимметричный анализ», предпочитая называть свой метод интроспекцией.

Считая, что диссимметричный подход к описанию грамматических категорий продуктивен при описании семантики форм времени, Н.С. Поспелов замечает, что он уместен также и при анализе категорий лица

и модальности, т. е. диссимметричный метод должен быть востребован при исследовании вопросов активной грамматики, поскольку описание предикативных категорий относится к числу именно этих проблем.

Биографы Н.С. Пospelова указывают, что «перспективность диссимметричного подхода к явлениям синтаксиса <...> вдохновляла учёного и в дальнейшем» [4, с. 10]. Эта вдохновлённость чувствуется как в его поздних работах, посвящённых анализу временных значений [9, с. 111–137], так и в более ранних трудах, например, при разграничении понятий «предложение» и «высказывание» [8, с. 117 – 123].

Плодотворность идей асимметрии реализуется в целом ряде современных лингвистических исследований. Яркой иллюстрацией использования таких принципов анализа может служить, например, монография Б.А. Успенского «Часть и целое в русской грамматике» [14], где неоднократно встречаются фрагменты анализа, в которых чувствуется переключки с принципами, сформулированными Н.С. Пospelовым (ср. понимание семантической структуры существительных, способных образовывать форму второго (партитивного) родительного, как особого образования, где «любая часть, вычленимая из целого <...>, может метонимически обозначать целое» [14, с. 13]; разграничение грамматического и морфологического оформления *Genetivus partitivus* (там же); анализ значений двух рядов форм – родительного первого и родительного второго падежей [14, с. 14–19], разграничение слова в языке и слова в тексте [14, с. 20], выделение в рамках множественного числа аддитивного (способного к расширению множества) и функционально-собирающего значений [14, с. 28–29] и др.

Идея бинаризма заставляет современных исследователей опираться на два антиномичных принципа при интегральном описании русской лексики – на унификацию (в основе которой понятие лексикографического типа – инварианта, прототипа) и индивиду-

ализацию (смысл которой в создании лексикографического портрета – т. е. описании вариативных черт, присущих алломорфу). При этом методика интегрального подхода формулируется таким образом: «...принцип унификации действует до тех пор, пока материал не начнёт оказывать этому сопротивление. Как только возникает такая ситуация, в работу включается принцип индивидуализации» [1, с. 159].

Вне всякого сомнения, понимание языка как асимметрично устроенной системы присуще и трудам В.В. Виноградова. Это выглядит бесспорным уже потому, что именно акад. В.В. Виноградову принадлежит заслуга не только фундаментального изучения теории лексической омонимии, но также и тех грамматических явлений, которые обнаруживают свойства асимметричности – модальности, синтаксических лица и времени, т. е. предикативности как таковой.

Н.Ю. Шведова, характеризуя работы своего учителя, подчёркивает, что «научным методом В.В. Виноградова как грамматиста был метод объективного синтезирующего исследования внешних и внутренних сторон грамматической единицы и её внутриязыковых связей» [15, с. 6].

Анализируя основные положения системно-структурного подхода с позиций асимметричного дуализма языкового знака (С.И. Карцевский), диссимметричного анализа (Н.С. Пospelов) и «метода объективного синтезирующего исследования внешних и внутренних сторон грамматической единицы и её внутриязыковых связей» (В.В. Виноградова), можно обратить внимание на их методологическую общность. По мнению В.В. Бабайцевой, рассмотрение синтаксических исследований в системном «диалектическом единстве формы и содержания» [2, с. 31] – главное направление развития русского языкознания, от которого «отпочковываются» все направления, существующие в отечественном языкознании; оно развивает ту классическую ветвь лингвистической науки, «каким является синтаксис Д.Н. Овсяннико-

Куликовского, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского» [там же]. Именно поэтому структурно-семантическое направление «является очередным этапом эволюции традиционного языкознания, которое не остановилось в своём развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных аспектов в изучении и описании языка и речи» [13, с. 26].

Основные положения структурно-семантического направления применительно к синтаксису опираются на ряд теоретических положений, среди которых одним из важнейших является опора на представление о системности языка. «Из этого следует: а) язык как система представляет собой целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов; б) нет и не может быть явлений, выпадающих из системы языка, явлений вне системы» [13, с. 27].

Сказанное приводит к мысли, что, несмотря на значительные и часто принципиальные разногласия отечественного и западного языкознания, существует общая тенденция в методологии языкового анализа, которую в лаконичной и яркой форме сформулировал С.И. Карцевский применительно к частной проблеме асимметричного дуализма лексического знака. В традиции отечественного языкознания это направление принято называть структурно-семантическим методом, одним из основополагающих подходов которого является понимание языковых явлений как демонстрирующих свойства вариативности. Другими характеристиками структурно-семантического (асимметрического, дисимметрического, интегрального) метода являются:

– бинарный характер принципов лингвистического исследования;

– законы структурной и функциональной асимметрии, универсально проявляющиеся как в условиях языковой системы в целом, так и в рамках её подсистем;

– неразрывная и противоречивая взаимосвязь формы и значения языкового знака, в том числе синтаксического.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии// Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. I. Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009.
2. Бабайцева В.В.. Теоретические основы школьного и вузовского курса синтаксиса//Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис//Сост. В.И. Красных. – М.: Русский язык, 1980. – С. 18–34.
3. Золотова Г.А.. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 52–58.
4. Иванчикова Е.А. Николай Семёнович Поспелов и его грамматические труды//Н.С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. – М.: Наука, 1990. – С. 5–13.
5. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988.
7. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения// Грамматические категории слова и предложения. – М.: МГОУ, 2007, – С. 95–104.
8. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М.: Наука, 1990. – С. 83–99.
9. Поспелов Н.С. О соотношении грамматических значений глагольных форм времени в русском языке // Проблемы современной лингвистики. – М.: МГУ. – С. 111–137.
10. Потебня А.А. Из записок по русской словесности//А.А. Потебня. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. IV. – Вып. II. – М.: Просвещение, 1977.
12. Русская грамматика. – Т. I. – М.: Наука, 1980.
13. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация/ Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. – М.: Просвещение, 1987.
14. Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
15. Шведова Н.Ю. Грамматические труды академика В.В.Виноградова//В.В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. С. 5–10.
16. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 222–230.